

Анжела Шпольберг

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФИГУРЕ

Розвивається ідея Р. Якобсона і Ю. Лотмана про «граматичні фігури і тропи». На прикладі співставлення лінгвістичної структури тексту вірша Р. Кіплінга «Якщо–» із п'ятьма його перекладами російською мовою показана значущість граматичної фігури для сенсу тексту.

Ключові слова: *текст, форма, смисл, лінгвістична структура, граматична фігура, сполучник.*

Развивается идея Р. Якобсона и Ю. Лотмана о «грамматических фигурах и тропях». На примере сопоставления лингвистической структуры текста стихотворения Р. Киплинга «Если–» с пятью его переводами на русский язык показывается значимость грамматической фигуры для смысла текста.

Ключевые слова: *текст, форма, смысл, лингвистическая структура, грамматическая фигура, союз.*

The article is written in defense of R. Jakobson's and Y. Lotman's concept of «grammatical figures and tropes». It analyzes the linguistic structure of Rudyard Kipling's «If–» and compares it with five Russian translations of the same poem. The study shows that in cases where the original linguistic structure of the poem was changed or omitted, it affected the meaning and the message of the poem.

Keywords: *text, form, meaning, linguistic structure, grammatical figure, conjunction.*

Традиционно считается, что морфологические средства языка менее всего используются в поэтических целях. Однако, в отличие от устной, письменная речь не имеет практически никаких внеязыковых дополнительных средств выразительности. Поэтому автор художественного текста заинтересован в полном использовании всех средств языка, в том числе и грамматических. Богатые поэтические ресурсы скрываются в самой морфологической и синтаксической структуре языка, и часто отсутствие традиционных лексических тропов в тексте может балансироваться грамматическими тропами и фигурами. Одним из первых к ним привлёк внимание лингвистов Р. Якобсон. В статье «Лингвистика и поэтика» он привёл несколько примеров грамматических фигур из классической англоязычной поэзии и вспомнил, как в 1919 году, когда в Московском лингвистическом кружке обсуждалось понятие *epitheta ornantia*, поэт Маяковский заявил, что для него каждое прилагательное в стихотворении – уже эпитет [6, с. 90].

На использование грамматики в поэтических целях обращал внимание и Ю. М. Лотман. В «Лекциях по структуральной поэтике» Лотман привёл пример «реляционных отношений», выражаемых союзами в поэтической речи: «“В тревоге пёстрой и бесплодной // Большого света и двора...” Рядом, в форме подчёркнутого параллелизма, поставлены два союза “и”, две, как будто тождественные, грамматические конструкции. Однако они не тождественны, а параллельны, и сопоставление их лишь подчёркивает разницу. Во втором случае “и” соединяет настолько равные члены, что даже теряет характер средства соединения. Выражение “большой свет и двор” сливается в одно фразеологическое целое, отдельные компоненты которого утрачивают самостоятельность. В первом случае союз “и” соединяет не только разнородные, но и разноплановые понятия. Утверждая их параллельность, он способствует выделению в их значениях некоего семантического пятна – архисемы, а понятия эти, в свою очередь, поскольку явно ощущается разница между архисемой и каждым из них в отдельности, бросают на семантику союза отсвет противительного значения. Это значение отношения между понятиями “пёстрый” и “бесплодный” могло бы пройти неощутимым, если бы первое “и” не было параллельно второму, в котором этот оттенок начисто отсутствует и, следовательно, выделяется в акте сопоставления» [2, глава 2. 9]. Однако, несмотря на то, что грамматическая фигура является одним из основополагающих принципов построения художественного текста, фундаментальных исследований по этому вопросу до сих пор практически нет. Грамматическая фигура по-прежнему «остаётся сюрпризом для литературоведов» [5, с. 467; 3, с. 450–463] и недооценивается самими лингвистами [6, с. 90]. А между тем поэтика должна заниматься проблемами речевых структур точно так же, как искусствоведение – структурами живописи, поскольку в литературном произведении любой речевой элемент превращается в «фигуру поэтической речи» (см.: [4, с. 104]). Рассмотрим это на примере русских переводов знаменитого стихотворения «If →» («Если →») английского поэта и писателя, лауреата Нобелевской премии, Редьярда Киплинга.

Стихотворение «If →» было написано в 1895 году и до сих пор очень популярно в Англии, так как считается отражением британских традиционных духовных ценностей. Для нашего же исследования оно интересно как стихотворный текст, построенный на сквозной союзной конструкции:

If –

If you can keep your head when all about you
Are losing theirs and blaming it on you;

If you can trust yourself when all men doubt you,
 But make allowance for their doubting too;
 If you can wait and not be tired by waiting,
 Or, being lied about, don't deal in lies,
 Or, being hated, don't give way to hating,
 And yet don't look too good, nor talk too wise;

 If you can dream – and not make dreams your master;
 If you can think – and not make thoughts your aim;
 If you can meet with triumph and disaster
 And treat those two imposters just the same;
 If you can bear to hear the truth you've spoken
 Twisted by knaves to make a trap for fools,
 Or watch the things you gave your life to broken,
 And stoop and build 'em up with worn-out tools;

 If you can make one heap of all your winnings
 And risk it on one turn of pitch-and-toss,
 And lose, and start again at your beginnings
 And never breath a word about your loss;
 If you can force your heart and nerve and sinew
 To serve your turn long after they are gone,
 And so hold on when there is nothing in you
 Except the Will which says to them: «Hold on»;

 If you can talk with crowds and keep your virtue,
 Or walk with kings – nor lose the common touch;
 If neither foes nor loving friends can hurt you;
 If all men count with you, but none too much;
 If you can fill the unforgiving minute
 With sixty seconds' worth of distance run –
 Yours is the Earth and everything that's in it,
 And – which is more – you'll be a Man my son! [1, c. 100]

Стихотворение написано в условном наклонении. Оно начинается союзом «IF» («ЕСЛИ») и строится как одно большое сложно-подчинённое предложение с тринадцатью условными придаточными. Эти условные придаточные предложения накладываются одно на другое, как ступеньки лестницы, ведущей вверх, – к главной части сложно-подчинённого предложения.

Одна ступенька – одно «If...» условие – может быть, в свою очередь, проще или сложнее по структуре. Союзы BUT, AND, OR (НО, И, ИЛИ)

активно участвуют во внутреннем построении «If ...» пропозиций. Построфно лингвистическая структура стихотворения может быть изображена так:

- 1) If _____ ;
- 2) If _____ , but _____ ;
- 3) If _____ and _____ , or _____ , or _____ , and yet _____ ;
- 4) If _____ - and _____ ;
- 5) If _____ - and _____ ;
- 6) If _____ and _____ ;
- 7) If _____ , or _____ , and _____ ;
- 8) If _____ and _____ , and _____ , and _____ and _____ ;
- 9) If _____ , and _____ ;
- 10) If _____ , or _____ - nor _____ ;
- 11) If _____ ;
- 12) If _____ , but _____ ;
- 13) If _____ -
- 14) Главная часть, результат предыдущих 13 условий.

Отметим, что, невзирая на то, что стихотворение написано в условном наклонении, оно нейтрально по стилю и реалистично по духу. Это не сослагательное, а именно условное наклонение, **условный реализм**:

Если ты такой ..... , то Земля твоя и ты – человек!

Отметим также, что 13 условий, выдвинутых Кипплингом, – условия качественные, а не количественно-временные. И само стихотворение звучит не как назидание, а как мудрая беседа старшего с младшим, отца с сыном.

На русский язык это стихотворение переводилось неоднократно. Мы рассмотрим пять его переводов (Кроме книжных вариантов, все переводы представлены в Интернете: http://www.lib.ru/KIPLING/s_if.txt).

1. Заповедь (Перевод М. Лозинского)

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушней и мудрей других.

Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твое же слово
Калечит плуг, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена, и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.

Умей поставить, в радостной надежде,
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том;
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сторело.
И только Воля говорит: «Иди!»

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и с друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег,–
Тогда весь мир ты примешь, как владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

Работа замечательного переводчика М. Лозинского близка к оригиналу, но отличается от него по общей модальности и грамматической структуре. Если стихотворение Кипплинга – условный реализм (если ты такой, то ты – человек), то перевод Лозинского выполнен в повелительном наклонении (делай так – тогда будешь человек). На это указывает и название перевода – не «Если...», а «Заповедь», наказ – делай так.

Последние две строки перевода начинаются словом ТОГДА. ТОГДА – вторая часть корреляционного союза КОГДА – ТОГДА, аналогично корреляционной паре ЕСЛИ – ТО. Обе пары указывают на условие, но в случае КОГДА – ТОГДА очень силен временной компонент условия, последовательность действий: когда выполнишь наказ, тогда будешь человек. В тексте перевода первая часть пары, КОГДА, опущена, но она подразумевается имплицитно.

Эти, вроде бы небольшие, отличия, меняют тональность стихотворения из «условно-совещательной» (от слова «совет») в сторону назидания, что,

как нам кажется, сдвигает стихотворение из лирической в эпическую сторону.

2. Когда (Перевод Вл. Корнилова)

Когда ты тверд, а все вокруг в смятенье,
Тебя в своем смятенье обвинив,
Когда уверен ты, а все в сомненье,
А ты к таким сомненьям терпелив;
Когда ты ждешь, не злясь на ожиданье,
И клеветой за клевету не мстишь,
За ненависть не платишь той же данью,
Но праведным отнюдь себя не мнишь;

Когда в мечте не ищешь утешенья,
Когда не ставишь самоцелью мысль,
Когда к победе или к пораженью
Ты можешь равнодушно отнестись;
Когда готов терпеть, что станет подлость
Твой выстраданный идеал чернить,
Ловушкой делать, приводить в негодность,
А ты еще готов его чинить;

Когда согласен на орла и решку
Поставить все и тотчас проиграть,
И тотчас же, мгновенья не помешкав,
Ни слова не сказав, сыграть опять;
Когда способен сердце, нервы, жилы
Служить себе заставить, хоть они
Не тянут – вся их сила отслужила,
Но только Воля требует: «Тяни!»

Когда – хоть для тебя толпа не идол –
При короле ты помнишь о толпе;
Когда людей ты понял и обиды
Не нанесут ни враг, ни друг тебе;
Когда трудом ты каждый миг заполнил
И беспощадность Леты опроверг,
Тогда, мой сын, Земля твоя – запомни! –
И – более того – ты Человек!

В этом варианте перевода ещё сильнее временной компонент. Оригинальная союзная конструкция стихотворения сохранена, но изменён её характер: киплингское вневременное ЕСЛИ – ТО полностью

заменено временным эксплицитным КОГДА – ТОГДА. Временное условие даже вынесено в заглавие перевода – «КОГДА».

Показательно, как автор переводит последнее, тринадцатое, кипплинговское условие – «If you can fill the unforgiving minute With sixty seconds' worth of distance run →» (дословно – «Если ты можешь наполнить непрощающую минуту шестьюдесятью секундами, стоящими того, чтобы бежать дистанцию...»): «Когда трудом ты каждый миг заполнил // И беспощадность Леты опроверг...» Образа Леты, реки забвения, в оригинальном тексте стихотворения нет. Переводчик вводит его в текст, тем самым ещё раз усиливая «временной» характер перевода.

Также, эти две строки рассказывают нам о мировоззрении переводчика и системе его ценностей. Кипплинг в оригинальном тексте предлагает наполнить минуты жизни стоящими, осмысленными секундами. Переводчик Вл. Корнилов уточняет видение Кипплинга – каждый миг должен быть заполнен трудом...

3. Если сможешь (Перевод А. Грибанова)

Сумей, не дрогнув среди общей смуты,
 Людскую ненависть перенести
 И не судить, но в страшные минуты
 Остаться верным своему пути.
 Умей не раздражаться ожиданьем,
 Не мстить за зло, не лгать в ответ на ложь,
 Не утешаясь явным или тайным
 Сознанием, до чего же ты хорош.

Умей держать мечту в повиновенье,
 Чти разум, но не замыкайся в нем,
 Запомни, что успех и поражение –
 Две лживых маски на лице одном.
 Пусть правда, выстраданная тобою,
 Окажется в объятьях подлеца,
 Пусть рухнет мир, умей собраться к бою,
 Поднять свой меч и биться до конца.

Сумей, когда игра того достойна,
 Связать судьбу с одним броском костей,
 А проиграв, снести удар спокойно
 И без ненужных слов начать с нулей.
 Сумей заставить сношенное тело
 Служить сверх срока, не сбавляя ход.
 Пусть нервы, сердце – все окаменело,

Рванутся, если Воля подстегнет.
Идя с толпой, умей не слиться с нею,
Останься прям, служа при королях.
Ничьим речам не дай звучать слышнее,
Чем голос истины в твоих ушах.
Свой каждый миг сумей прожить во славу
Далекой цели, блещущей с вершин.
Сумеешь – и Земля твоя по праву,
И, что важней, ты Человек, мой сын!

В киплингговском названии «If –» («Если –») звучит условие. Переводчик Грибанов вроде бы сохранил условную форму названия, однако добавил к ней своё уточнение – «Если сможешь». «Если сможешь» – это уже не просто условие, но условие с внутренним сомнением: могут не все. Глагол как семантический компонент фразы притягивает всё внимание на себя; союз как служебный синсемантический языковой компонент всего лишь «подаёт» глагол. Так сразу, одним словом, добавленным к названию, стихотворение переносится из философской, вневременной и внеличностной плоскости в плоскость социальную и в разряд «боевых заданий» – надо смочь.

До последних двух строк стихотворение ведётся повелительно-назидательно. Опорные слова – **сумей** (употреблено 4 раза), **умей** (употреблено 4 раза), **чти, запомни** – организуют текст как наказ командира. Выполнишь, сумеешь – «и Земля твоя по праву...» По праву какому? По праву сильного, который «может»? В оригинальном тексте никакое «право» не выступает условием человеческого бытия.

По общей тональности, выбору слов и оборотов этот перевод звучит как революционно-романтическая поэзия. По духу – это светловская «Гренада, Гренада, Гренада моя». Что же касается языковой структуры этого перевода, то условная союзная конструкция оригинала в нём утеряна полностью.

4. Из тех ли ты... (Перевод Аллы Шараповой)

Из тех ли ты, кто не дрожал в сраженье,
Но страх других себе в вину вменил,
Кто недоверие и осужденье
Сумел признать, но доблесть сохранил?
Кто бодро ждал и помнил, что негоже
Неправдою отплачивать лжецу
И злом злодею (но и этим тоже
Гордиться чересчур нам не к лицу).

Ты – друг Мечты, но средь ее туманов
 Не заблудиться смог? И не считал,
 Что Мысль есть Бог? И жалких шарлатанов
 Триумф и Крах – с улыбкой отметал?
 И ты сумеешь не придать значенья,
 Когда рабы твой труд испепелят
 И смысл высокий твоего ученья
 Толпа на свой перетолкует лад?
 Рискнешь в игре поставить состоянье,
 А если проиграешь все, что есть, –
 Почувствуешь в душе одно желанье:
 Встать от игры и за труды засесть?
 Послушна ли тебе и в боли дикой
 Вся армия артерий, нервов, жил?
 Воспитана ли Воля столь великой,
 Чтоб телу зов ее законом был?
 Ты прям и прост на королевской службе?
 С простолудином кроток? Справедлив
 К достойному назло вражде и дружбе?
 Властителен порой, но не кичлив?
 И правда ли, что даже малой доли
 Своих часов, минут ты господин?
 Ну что ж! Земля твоя – и даже боле
 Тебе скажу: ты Человек, мой сын!

Автор этого перевода условную конструкцию стихотворения превращает в вопросную. С первой же строки, самим названием-вопросом «Из тех ли ты...» Алла Шарапова делит читателей на «тех» и «не тех». «Те» – это романтические герои, рыцари духа. Поэтому текст изобилует возвышенной лексикой и куртуазными оборотами, стихи льются легко. Однако в этом переводе есть целый ряд явных смысловых расхождений с оригиналом. Например, нейтральные и реалистические строки Киплинга «If you can dream – and not make dreams your master; // If you can think – and not make thoughts your aim» (дословно «Если ты можешь мечтать – и не делать мечты своим начальником; если ты можешь думать – и не превращать мысли в самоцель») переводятся так: «Ты – друг Мечты, но средь ее туманов // Не заблудиться смог? И не считал, // Что Мысль есть Бог?»

Последнее киплинговское условие – «If you can fill the unforgiving minute With sixty seconds' worth of distance run →» (дословно «Если ты

можешь наполнить непрощающую минуту шестьюдесятью секундами, стоящими того, чтобы бежать дистанцию...») – также переведено в очень далёком от первоисточника индивидуалистском ключе: «И правда ли, что даже малой доли // Своих часов, минут ты господин?» Союзная структура текста-оригинала не воспроизводится в этом переводе вовсе.

5. ЕСЛИ... (Перевод С. Маршака)

О, если ты покоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волненья,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь,

И если ты своей владеешь страстью,
А не тобою властвует она,
И будешь тверд в удаче и в несчастье,
Которым, в сущности, цена одна,
И если ты готов к тому, что слово
Твое в ловушку превращает плут,
И, потерпев крушение, можешь снова –
Без прежних сил – возобновить свой труд,

И если ты способен все, что стало
Тебе привычным, выложить на стол,
Все проиграть и вновь начать сначала,
Не пожалев того, что приобрел,
И если можешь сердце, нервы, жилы
Так завести, чтобы вперед нестись,
Когда с годами изменяют силы
И только воля говорит: «Держись!» –

И если можешь быть в толпе собою,
При короле с народом связь хранить
И, уважая мнение любое,
Главы перед молвою не клонить,
И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, –
Земля – твое, мой мальчик, достоянье!
И более того, ты – человек!

В переводе С. Я. Маршака сохранен и нейтральный тон первоисточника, и его название, и условно-союзная структура, опирающаяся на употребление союза ЕСЛИ. Перед нами вновь разговор старшего, умудрённого жизнью человека с молодым. К сожалению, в этом переводе также возникает целый ряд смысловых неточностей, отчётливо видных при построфном сравнении оригинального и переводного текстов. И всё же этот перевод представляется нам наиболее удачным, так как он сохраняет дух киплингковского стихотворения и, в то же время, представляет собой пример великолепной русской поэзии.

Рассмотренные стихотворные переводы показали, что общий смысл, семантика полнозначных слов сохраняется более или менее точно при переводе, но грамматическая фигура, на которой строится текст, сохраняется очень редко, а именно она в нашем примере задавала «модальность» текста и вносила уникальные нюансы в смысл стихотворения. При потере оригинальной грамматической фигуры менялся тон всего текста.

Исследование грамматических тропов и фигур важно не только для теоретических исследований в сфере поэтики и риторики. Как мы убедились, оно имеет прикладное значение для искусства перевода. Более того, оно является существенным вкладом в обучение эффективной устной и письменной речи. Надеемся, что грамматические фигуры всё более и более будут привлекать внимание языковедов.

1. Английская поэзия в русских переводах. XX век.– М.: Прогресс, 1984.– 684 с.
2. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа.– М., 1994.– С. 11–246.– Интернет: <http://www.ruthenia.ru/lotman/papers/1sp/>
3. Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста // Новое в зарубежной лингвистике.– Вып. VIII. Лингвистика текста.– М.: Прогресс, 1978.– С. 450–463.
4. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб.– М.: Прогресс, 1975.– С. 193–230.
5. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика: Сб.– М.: Прогресс, 1983.– С. 464–482.
6. Jakobson R. Linguistics and Poetics // Jakobson R. Language in Literature.– Cambridge, MA–London, England: The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1987.– P. 62–94.